

УДК 811.512.212, 81'34
UDC 811.512.212, 81'34

Морозова Ольга Николаевна
Амурский государственный университет
г. Благовещенск, Российская Федерация
Olga N. Morozova
Amur State University
Blagoveshchensk, Russian Federation
morozova_olga06@mail.ru

К ВОПРОСУ О РИТМЕ В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ¹ **CONCERNING THE RHYTHM IN THE EVENKI LANGUAGE**

Аннотация

Статья посвящена проблеме речевого ритма, рассматриваемой на материале восточного наречия эвенкийского языка. В качестве одного из способов решения данной проблемы рассматривается психолингвистический перцептивный эксперимент, цель которого состояла в выявлении реакции носителей языка на лексическое наполнение ритмических групп. В ходе психолингвистического эксперимента носителям восточного наречия эвенкийского языка (7 человек старше 50 лет) было дано задание подобрать слово или фразу на эвенкийском языке на каждую из предложенных ритмических моделей и указать её перевод на русский язык. В результате проведённого эксперимента были получены данные о второстепенности параметра интенсивности как коррелята словесного ударения в эвенкийском языке. Зафиксировано отсутствие качественной и количественной редукции гласных безударных слогов, что ведёт к воспринимаемой ритмической изохронности слогов слова. Отмечен факт разной степени билингвизма в группе испытуемых эвенков по возрастному и профессиональному факторам, влияющий на особенности восприятия ритма слова.

Abstract

The present article focuses upon the problem of speech rhythm in the Eastern dialect group of the Evenki language. One of the ways to solve the problem is carrying out psycholinguistic perceptual study aimed at finding out speakers' reactions on rhythmic groups. During the psycholinguistic experiment Eastern Evenki speakers (7 subjects above 50 years old) were suggested the task to give examples (a word or a phrase) in Evenki according to the given rhythmic pattern then to translate that example. The results of the study indicate the secondary role of the intensity in perceiving word stress by the Evenki subjects. Another finding was the lack of qualitative and quantitative unstressed vowel reduction was found that may lead to perceived rhythmic isochronism of syllables in words. Different bilingualism degree of the subjects was also noted depending on age and profession; this fact seems to determine word rhythm perception to a certain extent.

¹ Исследование проведено при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-12004в.

Ключевые слова: эвенкийский язык, речевой ритм, психолингвистический эксперимент, интенсивность, изохрония, билингвизм.

Keywords: the Evenki language, speech rhythm, psycholinguistic experiment, intensity, isochronism, bilingualism.

doi: 10.22250/2410_7190_2018_4_4_101_114

1. Введение

Настоящая статья посвящена проблеме речевого ритма, рассматриваемого на материале восточного наречия эвенкийского языка.

В трактовке речевого ритма мы придерживаемся точки зрения авторов исследований, в которых речевой ритм определяется как общезыковая система, организующая речь на данном языке (см. напр., [Светозарова, 1982]).

В самом общем понимании, термин И. Г. Торсуева формулирует «речевой ритм» как одно из проявлений фундаментальной закономерности природы, её ритмичности [Торсуева, 1998, с. 416]. Л. В. Величкова также отмечает, что ритмические явления прослеживаются в биологических процессах, суточных циклах природы, в биоэлектрических процессах. «во всех известных сферах, обнаруживающих ритмические признаки, эти последние относятся к системным процессам, обеспечивающим жизнедеятельность или функционирование объектов» [Величкова, 2002, с. 13]. Автор указывает на скрытость (невыраженность) функций элементов речевого ритма. По её мнению, ритмическая организация речи отражает существенные, глубинные механизмы её порождения и функционирования. При исследовании ритмической организации речи Л. В. Величкова пытается обнаружить функции речевого ритма и для этого предлагает изменить сам механизм исследования, который позволил бы описать функции ритма с получением данных лингвистического характера, то есть параметров ритмических групп и их взаимоотношений с единицами других уровней языка [Величкова, 2002, с. 13–14].

2. Ритм: различные ракурсы рассмотрения

2.1. Музыкальный характер ритма

Многие учёные признают, что в представлении человека ритм, прежде всего, связан с музыкой, ритм обладает музыкальным характером [Бойчук, 2010, с. 232 ; Величкова, 2002, с. 13]. В работах отмечается, что ритм как форма композиции в музыке древнее, чем в поэзии. По этому поводу Е. И. Бойчук делает следующее замечание: «Через освобождение поэзии от музыки постепенно происходил процесс образования особого ритма, сначала стихотворного, а затем прозаического, отличного от музыкального» [Бойчук, 2010, с. 232].

Имеются примеры использования музыкального ритма в культуре коренных народов Севера России. При описании камланий шаманов и шаманствующих исследователи, как правило, говорят о важной роли

ритмичного боя бубна, необходимого для введения шамана в состояние возбуждения. «Шаман брал в левую руку бубен, а в правую колотушку и тихо и мерно ударял в бубен, сопровождая эти удары протяжным монотонным зовом: «Гой! Гой! Гой!». Звуки бубна усиливались и учащались. Так продолжалось, пока шаман не приходил в состояние возбуждения. Постепенно звуки бубна затихали, и шаман начинал говорить речитативом, иногда переходя на пение» [Хомич, 1981, с. 23].

Как полагают Е. Т. Пушкарева и А. А. Бурькин, передаваться по наследству или по желанию самого практикующего шамана могут не только какие-то части костюма, но и сценический рисунок шаманских действий, а также музыкальное сопровождение [Пушкарева, Бурькин, 2011, с. 308–309]. Очевидно, под музыкальным сопровождением имеется ввиду, как речитатив и пение шамана, так и ритм, темп и сила ударов шамана в бубен.

2.2. Ритм в языке и речи

В устной речи (особенно диалогической) ритм обязателен, хотя признаки его проявления менее отчетливы по сравнению с художественным текстом [Торсуева, 1998, с. 416]. При построении устного высказывания обычно выделяются несколько фонетических составляющих. Звуковые сегменты объединяются в слоги, слоги в ритмические группы (или фонетические слова), фонетические слова в свою очередь группируются ритмически в более крупные отрезки – синтагмы. В высказывании может быть несколько синтагм, и в этом случае вся последовательность также будет иметь фонетические показатели объединения. В итоге можно говорить о существовании нескольких ритмических схем, на основе которых в речи образуются фонетические составляющие разной соразмерности [Кодзасов, Кривнова, 2001, с. 27].

При фонетическом описании языков говорится об особом колорите ритма того или иного языка. Логично предположить, что различные языки или группы языков по-разному используют возможность временного структурирования речи в физиологически определённых границах. По мнению И. В. Панковой: «законы ритма, просодического оформления речи, интонации – глубинны и относятся к наиболее стойко диктуемым родным языком законам [Панкова, 1987].

Ритм как периодичность в речи создаётся разными факторами: звуковыми (сегментными) и просодическими (супraseгментными). Под ритмом понимается «не жёсткая упорядоченность каких-либо определённых речевых сегментов и слуховое восприятие этой упорядоченности, а рассмотрение самой специфики распределения во времени этих сегментов (например, звуков, слогов, ритмических структур и т.д.) их фонетическое выражение» [Потапов, 2001, с. 9].

Функции ритмических единиц могут выполнять практически все речевые сегменты: звук, слог, ритмическая структура, синтагма, фраза, сверхфразовое единство. Выбор конкретных средств создания ритма может определенным образом зависеть от коммуникативной установки.

2.3. Слог как основа речевого ритма

Слог, бесспорно, является естественной артикуляторной единицей сегментации речевого потока, поэтому он выступает в качестве базы любого ритмического построения [Уютова, 2005, с. 100].

Дж. Лавер отмечает, что воспринимаемый ритм – это свойство речи, возникающее из взаимодействия сонорности сегментов, структуры слога, слогового веса и лексического ударения. При взаимодействии этих компонентов возникает ощущение чередования слогов разной степени выделенности [Laver, 1994]. Таким образом, ритм неотделим от слоговой структуры языка.

Разработав типологизацию языков по характеру слогоносителя в составе слова, Н. С. Трубецкой в случае совпадения просодических единиц со слогами относил их к группе слогосчитающих, при несовпадении – к группе моросчитающих. К первой группе были отнесены русский, английский, немецкий, голландский и другие языки, вторую представляют классическая латынь, словацкий, литовский и другие языки [Трубецкой, 2000, с. 200–211].

В лингвистике под морой принято понимать ритмическую единицу, которая равна открытому слогу с краткой гласной. Мора может быть равна компонентам слогов более сложного состава, если эти компоненты проявляют функциональное сходство с кратким слогом: могут нести собственное ударение, учитываются при определении места ударения, закономерностей «фонологической длины» морфем и слов и тому подобное [Касевич 1998, с. 310].

По своему типу моры могут быть слоговыми, гласными, согласными:

- 1) слог СГ (согласный + гласный) равен одной слоговой море;
- 2) слог СГ: (при Г: – долгий гласный) разлагается на слоговую мору – СГ (согласный + гласный) и гласную мору Г (гласный);
- 3) слог СГС (согласный + гласный + согласный) разлагается на слоговую мору – СГ (согласный + гласный) и согласную мору С (согласный);
- 4) слог ССГ (согласный + согласный + гласный – в японском языке) разлагается на согласную мору С (согласный) и слоговую мору – СГ (согласный + гласный) [Касевич, 2000, с. 310].

Позже идею Н. С. Трубецкого о слогосчитающих и моросчитающих языках дополнила гипотеза, согласно которой все языки обладают изохронным ритмом, при этом существует изохрония тактов и изохрония слогов [Pike, 1945, p. 35 ; Abercrombie, 1967, p. 96]. Данная гипотеза породила дискуссию о специфике ритма отдельных языков. В акцентосчитающих (stress-timed) языках изохрония объясняет компрессию безударных слогов, в слогосчитающих (syllable-timed) языках – увеличение долготы в тактах с растущим числом слогов.

По мнению П. Роуча, ударные слоги определяют специфику ритма языка. Так, особенность английского языка заключается в произнесении ударных слогов через равные промежутки времени. По этой причине английский язык относят к акцентосчитающим. Считается, чтобы сохранить изохронность ритма в своей речи, англичане стремятся сократить время

звучания безударных слогов между ударными. Автор ставит под сомнение действие принципа изохронности во всех стилях английской речи и склонен признать его характерным только для медленной эмфатической речи [Roach, 2001, p. 36–37]. Автору не кажется убедительной точка зрения, что слогосчитающие языки, такие как испанский, французский и китайский обладают ритмом, при котором все слоги имеют одинаковую долготу; основная роль ударных слогов – сделать ритм малозаметным. Такие суждения, по мнению исследователя, являются довольно субъективными. Найти доказательства, почему мы слышим разный ритм в разных языках, довольно сложно. Ясно одно, что ритм речи полезен при коммуникации: он помогает находить смысл сообщения, разделяя речь на слова, сигнализируя об изменении темы разговора и отмечая, что в сообщении является самым существенным [Roach, 2001, p. 37].

Если сопоставить особенности просодических систем эвенкийского (далее – ЭЯ) и русского (далее – РЯ) языков в плане специфики структурирования слога и типов слогов, то можно прийти к следующим выводам.

По степени консонантной насыщенности слог в ЭЯ значительно уступает слогу в РЯ. Важной фонотактической особенностью ЭЯ является отсутствие в нём начальнo- и конечнослоговых консонантных кластеров. Необходимо отметить, что в РЯ в препозиции и к слоговой вершине допускаются четырёхэлементные консонантные сочетания (в словах типа всплеск, вскрыть), в постпозиции также могут встречаться четырёхэлементные консонансы (обстоятельств, государств) [Бондарко, 1998, с. 167]. В отличие от РЯ, в эвенкийском слоге стечения консонансов не встречается. По своей структуре эвенкийские слоги могут состоять из одного гласного (ӯ - скребок), из согласного и гласного (дӱ - дом), из гласного и согласного (ур - живот), из согласного, гласного и согласного (дӱн - десять) [Константинова, 1964, с. 27–28].

2.4. Ритм с психолингвистической точки зрения

Л. В. Величкова считает, что ритмическое своеобразие языков не определяется лишь длительностью звуков и слогов и изменениями интенсивности. По её мнению, инструментальные данные об изменениях отдельных признаков сигналов не могут отразить процесс восприятия высказывания с ритмической точки зрения. Этот процесс определяется наличием ритмических образцов, их матрицами в памяти [Величкова 2002, с. 4]. Автор исходит из межуровневого характера ритма и его роли в порождении и восприятии речевого высказывания. Объединение сильного элемента (ударного слога) с предшествующими и последующими слабыми элементами (неударными слогами) образует ритмическую группу, соотносимую с синтаксическими и семантическими признаками речи.

Ритмические группы могут подвергаться анализу с физиологической, лингвистической и психолингвистической точек зрения. «Универсальными признаками являются признаки физиологического характера, связанные с закономерностями речевого дыхания и артикуляционных возможностей че-

ловека и обеспечивающие распределение энергии речевого процесса. Универсальными следует признать также психолингвистическую функцию ритмических элементов в процессе порождения речевого высказывания и их ведущую роль при восприятии речи» [Величкова, 2002, с. 14].

«Лингвистические описания нацелены на выяснение зависимости ритмических параметров от структуры слога, фонологических структур слов и типов синтагм, а также ритма текста в зависимости от его построения». Данные таких исследований, по мнению Л. В. Величковой не проясняют сущность ритма, так как они не затрагивают его психолингвистической сущности. Экспериментальные исследования должны быть направлены на ударение в слове и группе слов, соотношения ударностей и выявление признаков слогов в оппозиции ударный-безударный. При этом исходной точкой и методикой должно служить, по Л. В. Величковой, перцептивное восприятие ритмических признаков [Величкова 2002, с. 14].

3. Эксперимент

3.1. Методика проведения эксперимента

Целью перцептивного эксперимента было получение реакций носителей языка на лексическое наполнение ритмических групп. Были задействованы ритмические модели для 2–8-сложных слов с разновидностями ритмических рисунков по каждой модели от 2 до 8 соответственно (напр., 2 рисунка для двусложных слов: с первым ударным слогом и со вторым и т. д.). В ходе психолингвистического эксперимента носителям восточного наречия эвенкийского языка (7 человек старше 50 лет) были предложены ритмические группы. Ритмическая модель была представлена не только в письменном виде, но и в устной форме. Процедура эксперимента предложена в [Величкова, 2002, с. 14–15].

Задачи эксперимента заключались в том, чтобы, во-первых, подобрать слова или группы слов на каждую ритмическую модель, во-вторых, отметить степень сложности поиска слова / группы слов на заданную ритмическую модель.

При подборе слов и групп слов время для принятия решений ограничивалось. Задание респондентам было предъявлено в письменной форме в виде анкеты (см. пример заполненной анкеты в Приложении А) и в устной форме, поскольку некоторые из участвующих в эксперименте не получили школьного образования вообще. Кроме того, только единицы из эвенков в настоящее время пользуются письменной речью на родном языке, который находится под угрозой исчезновения. Чаще всего, это люди, преподающие родной эвенкийский язык в школе. Подавляющее большинство эвенков, говорящих на родном языке, вообще не пользуются письмом. Это касается и части наших испытуемых. Возраст эвенков, участвующих в эксперименте, был ограничен, поскольку известно, что говорят на исчезающем эвенкийском языке только представители среднего (ограниченное число эвенков) и, главным образом, старшего поколений.

3.2. Результаты эксперимента

В ходе эксперимента по выявлению ритмических структур слова оказалось, что он обречён на неудачу с группой наивных носителей языка без специального филологического образования возрастной группы от 70 лет и старше. Поэтому при обработке результатов возникла необходимость деления на группы: 1) 70 лет и старше (5 испытуемых): подгруппа 1 (3 человека без какого-либо образования), подгруппа 2 (2 человека с высшим филологическим образованием); 2) 50–60 лет (2 испытуемых). Неудача в первой подгруппе первой группы, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, задание по эксперименту (формулировку см. в Приложении А), которое было понятно для носителей русского языка (задания для русских аудиторов в своё время сформулировала Л. В. Величкова [Величкова, 2002, с. 14–15]), никоим образом не было понятно для необразованных носителей эвенкийского языка более старшего поколения. Поэтому для них нами было предложено другое задание – «прохлопывание и простукивание» ритмических структур с манипулированием громкостью хлопков и подбор возможных вариантов эвенкийского слова. Прохлопывание/простукивание искомой ритмической структуры слова привело участвующих в эксперименте респондентов к пониманию, что слово должно состоять из нескольких слогов. Участники эксперимента начинали подбирать слова, чаще всего состоящие из задаваемого экспериментатором «вживую» (при непосредственном участии экспериментатора в эксперименте) ритмического каркаса слова. По сравнению с предыдущим заданием, новое задание оказалось выполнимым, но сложным – имели место многочисленные неудачи, и прохлопывать/простукивать воображаемое слово приходилось снова и снова, чтобы респонденты смогли подобрать подобный пример из родного языка.

Во-вторых, в ходе выполнения нового задания было отмечена неожиданная особенность: одни и те же многосложные слова респонденты произносили с разной расстановкой ударения. При этом они не скандировали слова и не произносили их по слогам. Слово во всех его повторениях произносилось как цельная структура, естественно, в обычном темпе, однако в разных повторениях одного и того же слова выделяемые испытуемыми слоги на слух русскоязычного экспериментатора были разными. Например, слово «ранняя весна» по мнению респондентов можно было сказать и с выделенным первым слогом, и со вторым ([ˈnʒlʲkʲi] и [nʒlʲˈkʲi] соответственно), или слово «муха, садящаяся на мизинец»² можно произ-

² Объяснение эвенкийского слова [tʲimʲiˈdo] «муха, садящаяся на мизинец» дано С. С. Яковлевой (1945 г.рожд., исчезающая норская группа эвенков) со ссылкой на детскую эвенкийскую игру, распространенную, как выяснилось позже, повсеместно у эвенков в Амурской области и в настоящее время. Выяснилось, что в данную игру дети играют только в тайге. Смысл игры заключается в том, чтобы, увидев насекомое с желто-черным полосатым брюшком, похожее на маленькую муху, приманивать это насекомое к себе на вытянутый мизинчик, приговаривая «tʲimʲiˈdo, tʲimʲiˈdo» до тех пор, пока насекомое не сядет. По словам С. С. Яковлевой мушка обязательно сядет, и если быть осторожным, её можно даже погладить, при этом мушка не улетит (записано от респондента 12.03.2016). Интересен факт, что образованные эвенки среднего возраста осознают фонетический кластер [tʲimʲiˈdo], разделяя его на [tʲimʲi] «мушка» и [dʲokal] «сядь».

3.2. Результаты эксперимента

В ходе эксперимента по выявлению ритмических структур слова оказалось, что он обречён на неудачу с группой наивных носителей языка без специального филологического образования возрастной группы от 70 лет и старше. Поэтому при обработке результатов возникла необходимость деления на группы: 1) 70 лет и старше (5 испытуемых): подгруппа 1 (3 человека без какого-либо образования), подгруппа 2 (2 человека с высшим филологическим образованием); 2) 50–60 лет (2 испытуемых). Неудача в первой подгруппе первой группы, на наш взгляд, объясняется несколькими причинами.

Во-первых, задание по эксперименту (формулировку см. в Приложении А), которое было понятно для носителей русского языка (задания для русских аудиторов в своё время сформулировала Л. В. Величкова [Величкова, 2002, с. 14–15]), никоим образом не было понятно для необразованных носителей эвенкийского языка более старшего поколения. Поэтому для них нами было предложено другое задание – «прохлопывание и простукивание» ритмических структур с манипулированием громкостью хлопков и подбор возможных вариантов эвенкийского слова. Прохлопывание/простукивание искомой ритмической структуры слова привело участвующих в эксперименте респондентов к пониманию, что слово должно состоять из нескольких слогов. Участники эксперимента начинали подбирать слова, чаще всего состоящие из задаваемого экспериментатором «вживую» (при непосредственном участии экспериментатора в эксперименте) ритмического каркаса слова. По сравнению с предыдущим заданием, новое задание оказалось выполнимым, но сложным – имели место многочисленные неудачи, и прохлопывать/простукивать воображаемое слово приходилось снова и снова, чтобы респонденты смогли подобрать подобный пример из родного языка.

Во-вторых, в ходе выполнения нового задания было отмечена неожиданная особенность: одни и те же многосложные слова респонденты произносили с разной расстановкой ударения. При этом они не скандировали слова и не произносили их по слогам. Слово во всех его повторениях произносилось как цельная структура, естественно, в обычном темпе, однако в разных повторениях одного и того же слова выделяемые испытуемыми слоги на слух русскоязычного экспериментатора были разными. Например, слово «ранняя весна» по мнению респондентов можно было сказать и с выделенным первым слогом, и со вторым ([ˈnɜlˈkʲi] и [nɜlˈkʲi] соответственно), или слово «муха, садящаяся на мизинец»² можно произнести, выделив только второй слог или только третий слог ([tʲiˈmʲido] и [tʲimʲiˈdo] соответственно). При этом при прямом вопросе экспериментатора «как лучше сказать «весна» по-эвенкийски: [ˈnɜlˈkʲi] и [nɜlˈkʲi]?», носители эвенкийского языка единодушно и не сомневаясь отвечали, что оба варианта будут правильными. С подобными объяснениями экспериментатор сталкивался всякий раз, когда требовалось уточнение по расстановке ударения в односложном слове.

Таким образом, манипуляция с прохлопыванием/простукиванием

(чередованием сильных и слабых хлопков / ударов) не стала панацеей для чёткого определения ритмического рисунка эвенкийского слова для данной подгруппы испытуемых, что говорит о второстепенности параметра интенсивности как коррелята словесного ударения в эвенкийском языке.

Результаты, полученные от двух участников второй подгруппы первой группы оказались другими. Необходимо отметить, что оба участника по профессии были преподавателями родного эвенкийского языка с высшим филологическим образованием. Именно наличие этого образования позволило им правильно понять задание без дополнительных разъяснений экспериментатора, поэтому эксперимент на подбор нужной ритмической структуры с этими носителями языка был проведён успешно (см. заполненную анкету от такого информанта в Приложении А). К сожалению, таких испытуемых нашлось только двое: носители с высшим филологическим образованием среди эвенков в местах их компактного проживания – большая редкость.

Испытуемые второй группы (50–60 лет) с раннего детства освоили оба языка и в настоящее время являются билингвами, бегло говорят на родном языке, но в обычной жизни пользуются преимущественно русским языком. С ними эксперимент на подбор нужной ритмической структуры прошёл не менее успешно, чем с эвенками-филологами. В их устных ответах на вопросы экспериментатора были даны однозначные ответы о том, какой слог был ударным в том или ином многосложном слове: ударение во всех без исключения случаях совпадало с долготой гласных. Таким образом, наблюдалась прямая зависимость: ударный гласный – долгий гласный.

В обеих группах зафиксирована следующая общая особенность. При изолированном произнесении слова без его скандирования выраженной качественной редукции гласных в неударенных слогах не фиксировалось. Данное обстоятельство коренным образом отличает редукцию гласных русского языка от редукции гласных в эвенкийском языке. Эвенкийское «нередуцирование» гласных, сохранение их качества, сокращение длительности гласных без заметного на слух их качественного изменения, а также чёткость произнесения неударенного слога являются характерной чертой речи всех задействованных испытуемых.

Разные результаты эксперимента, полученные от разных возрастных подгрупп испытуемых эвенков со специальным филологическим образованием и без такового, можно объяснить разной степенью влияния доминирующего русского языка на родной эвенкийский язык. У эвенков старшего поколения (от 70 лет и старше) сохраняется в многосложных словах слабоцентрализуемый характер ударения, свойственный агглютинативным языкам [Морозова, Лаврилье, 2015, с. 95], на нашем материале выраженный, в частности, в том, что в одном и том же многосложном слове как ударный воспринимается то один, то другой слог. Все суффиксы (форманты) в таких языках обладают большей самостоятельностью, по сравнению с суффиксами в других языках. Проведённый эксперимент подтвердил, что тезис Бодуэна де Куртенэ об особенностях агглютинативного слова, где суффиксы

только временно сочетаются с главным корнем слова, таким образом, сохраняя свою отчётливость и обособленность [Бодуэн де Куртенэ, 1963, с. 115], всё ещё соответствует действительности для эвенкийского языка на фонологическом уровне. Однако у эвенков более младшего возраста указанный характер ударения, по-видимому, меняется под интерферирующим влиянием русского языка – языка с классическим словесным ударением.

3. Выводы

Проведённое исследование позволило сделать несколько предварительных выводов.

1. Для носителей эвенкийского языка, вообще не получивших образования, при исследовании ритмической структуры слова метод «прохлопывания / простукивания» ритма слова не дал надёжных результатов. Это приводит к выводу о том, что интенсивность не является ведущим коррелятом словесного эвенкийского ударения и играет второстепенную роль в оформлении ритмического рисунка эвенкийского слова. Полученный вывод совпадает с результатами экспериментально-фонетических исследований Т. Е. Андреевой [Андреева, 2001].

2. При исследовании эвенкийской речи обращается на себя внимание отсутствие качественной и количественной редукции гласных безударных слогов, что ведёт к воспринимаемой ритмической изохронности слогов слова. Одной из причин отсутствия качественной и количественной редукции безударных гласных служит принадлежность эвенкийского языка к языкам агглютинативного типа.

3. Требуется дополнительные исследования параметра интенсивности гласных эвенкийского слова в речи эвенков разновозрастных групп, а также эвенков без специального филологического образования и учителей эвенкийского языка, у которых второй специализацией является русский язык. Это поможет получить более полную картину современного состояния ритмических моделей и моделей акцентуации в изучаемом исчезающем эвенкийском языке и, возможно, предложить способы консервации исконных ритмических моделей с целью их дальнейшей ревитализации.

Список литературы

1. Андреева, Т. Е. Словесное ударение в эвенкийском языке: Экспериментально-фонетическое исследование на материалах говоров эвенков Якутии [Текст] / Т. Е. Андреева – Новосибирск : Наука, 2001. – 151 с.
2. Бодуэн де Куртенэ, И. А. Избранные труды по общему языкознанию Т. 1–2. [Текст] / И. А. Бодуэн де Куртенэ. – М. : Изд-во Академии наук СССР, 1963. – 391 с.
3. Бойчук, Е. И. Исследование ритма прозы в работах французских лингвистов [Текст] / Е. И. Бойчук // Ярославский педагогический вестник, 2010. № 4. Том I: Гуманитарные науки. – С. 232–234.
4. Бондарко, Л. В. Фонетика современного русского языка : учеб. пособие [Текст] / Л. В. Бондарко. – СПб. : Изд-во С.-Петербурга. Ун-та, 1998. – 276 с.

5. Величкова, Л. В. Речевой ритм: механизм психолингвистического исследования [Текст] / Л. В. Величкова // Вестник Воронежского гос.ун-та, Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 3. – С. 13–23.
6. Касевич, В. Б. Мора [Текст] / В. Б. Касевич // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 310–310.
7. Кодзасов, С. В. Общая фонетика : учебник [Текст] / С. В. Кодзасов, О. Ф. Кривнова. – М. : Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. – 592 с.
8. Константинова, О. А. Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология [Текст] / О. А. Константинова. – М.-Л. : Изд-во Наука, 1964. – 272 с.
9. Морозова, О. Н. Некоторые особенности реализации гласных и согласных эвенкийского языка и обозначение на письме [Текст] / О. Н. Морозова, А. Лаврилье, А. Н. Болелая // Актуальные проблемы фонетики и методики преподавания иностранных языков : материалы XI регионального научно-исследовательского семинара, посвящённого памяти профессора Л. В. Бондарко / отв. ред. С. И. Гусева. – Благовещенск : Амур. гос. ун-т, 2014. – С. 84–97.
10. Панкова, И. В. О некоторых явлениях интерференции в словесной просодии [Текст] / И. В. Панкова. – Л. : ЛГУ, 1987. – 14 с.
12. Пушкарева, Е. Т., Бурыкин, А. А. Фольклор народов Севера (культурно-антропологические аспекты) [Текст] / Е. Т. Пушкарева, А. А. Бурыкин. – СПб. : Петербургское Востоковедение, 2011. – 390 с.
13. Светозарова, Н. Д. Интонационная система русского языка [Текст] / Н. Д. Светозарова. – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та, 1982. – 176 с.
14. Торсуева, И. Г. Ритм [Текст] / И. Г. Торсуева // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / под. ред. В. Н. Ярцевой. – М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. – С. 416–416.
15. Трубецкой, Н. С. Основы фонологии [Текст] / Н. С. Трубецкой. – М. : Аспект Пресс, 2000 – 352 с.
16. Уютова, Е. В. Вариативность слоگو-ритмического речевого компонента в условиях взаимодействия просодических систем английского и корейского языков [Текст] / Е. В. Уютова // Вариативность сегментных и супraseгментных единиц в речи / отв. ред. С. И. Гусева. – Благовещенск, 2005. – С. 99–106.
17. Хомич, Л. В. Шаманы у ненцев [Текст] / Л. В. Хомич // Проблемы общественного сознания аборигенов Сибири. – Л., 1981. – С. 5–41.
18. Abercrombie, D. Elements of General Phonetics [Текст] / D. Abercrombie. Edinburgh : Edinburgh University Press, 1967. – 203 p.
19. Laver, J. Principles of Phonetics [Текст] / J. Laver. – Cambridge : Cambridge University Press, 1994. – 736 p.
20. Pike, K. The intonation of American English [Text] / K. Pike. – Ann Arbor : University of Michigan Press, 1945. – 203 p.
11. Potapov V. V. Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus: Eine vergleichende Studie zum slavischen und germanischen Sprachraum [Text] / V. V. Potapov. – Böhlau Verlag Köln; Weimar; Wien, 2001. – 309 p.
21. Roach, P. Phonetics [Text] / P. Roach. – Hong Kong : Oxford Univ. Press, 2001. – 117 p.

References

1. Andreeva, T. E. (2001). *Slovesnoe udarenie v evenkiyskom yazyke: eksperimental'no-foneticheskoe issledovanie na materialah govorov evenkov Yakutii* [Word stress in the Evenki language: Experimental phonetic research based on the Evenki accents of Yakutia]. Novosibirsk : Nauka Press.
2. Baudouin de Courtenay I. A. (1963). *Izbrannye trudy po obshchemu yazykoznaniyu* [Selected works on general linguistics]. Vol. 1–2. Moscow.
3. Boychuk, E. I. (2010). Issledovanie ritma prozy v rabotah frantsuzskih lingvistov [About Rhythm in Prose in French Linguists' Research Works]. *Yaroslavskiy pedagogicheskiy vestnik. Gumanitarnye nauki* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin. The Humanities], 4, 232–234.
4. Bondarko, L. V. (1998). *Fonetika sovremennogo russkogo yazyka* [Phonetics of modern Russian]. St-Petersburg : St-Petersburg University Press.
5. Velichkova, L. V. (2002). Rechevoy rhythm: mekhanizm psiholingvisticheskogo issledovaniya [Speech rhythm: Mechanism of psycholinguistic research]. *Vestnik Voronezhskogo gos. un-ta. Ser. lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series : Linguistics and intercultural communication], 3, 13–23.
6. Kasevich, V. B. (1998). Mora. In V. N. Yartseva (ed.), *Yazykoznanie. Bolshoi Entsiklopedicheskiy slovar'* [Language studies. Big Encyclopedia] (pp. 310–310). Moscow : Bol'shaya Rossiyskaya ehntsiklopediya Press.
7. Kodzasov, S. V., Krivnova, O. F. (2001). *Obshchaya fonetika* [General phonetics]. Moscow: Russian State University for the Humanities Press.
8. Konstantinova, O. A. (1964). *Evenkiyskiy yazyk. Fonetika. Morfologiya* [The Evenki language. Phonetics. Morphology]. Moscow – Leningrad : Nauka Press.
9. Morozova, O. N. Lavrillier, A., Bolelaya, A. N. (2014). Nekotorye osobennosti realizatsii glasnyh i soglasnyh ehvenkiyskogo yazyka i oboznachenie na pis'me [Some peculiarities of the Evenki vowels and consonants realization patterns and their spelling]. In S. I. Guseva, *Aktual'nye problemy fonetiki i metodiki prepodavaniya inostrannyh yazykov* [Current issues of phonetics and Foreign languages teaching methods]. Proc. of the XI Scientific-Research Seminar dedicated to the memory of Professor L. V. Bondarko (pp. 84–97). Blagoveshchensk : Amur State University Press.
10. Pankova, I. V. (1987). *O nekotoryh yavleniyah interferentsii v slovesnoy prosodii* [Some language interference phenomena in the word prosody]. Leningrad : Leningrad State University.
11. Potapov, V. V. (2001). *Dynamik und Statik des sprachlichen Rhythmus*. Bohlau Verlag Köln Weimar Wien.
12. Pushkareva, E. T., Burykin, A. A. (2011). *Fol'klor narodov Severa (kul'turno-antropologicheskie aspekty)* [Folklore of the peoples of the North (cultural and anthropological aspects)]. St-Petersburg : Asian Studies in Petersburg Press.
13. Svetzarova, N. D. (1982). *Intonacionnaya sistema russkogo yazyka* [Intonation system of the Russian language]. Leningrad : Leningrad State University.
14. Torsueva, I. G. Rhythm. In V. N. Yartseva (ed.), *Yazykoznanie. Bolshoi*

Т а б л и ц а 1. Анкета

№ п/п	Ритмический рисунок	Подходящее слово и / или фраза	Лёгкость / трудность подбора примера
1	X	Му – вода	лёгк сред труд
2.1	Xx	Маут – аркан	лёгк сред труд
2.2	xX	Таткит – школа	лёгк сред труд
3.1	Xxx	Адяран – спит, адями – спать Үэлэжэс – трусливый	лёгк сред труд
3.2	xXx	Давларан – спел, давллами – спеть	лёгк сред труд
3.3	xxX	Бакалдын – встреча Үэнэми – идти, эмэми – прийти	лёгк сред труд
4.1	Xxxx	Амадяран – хочет спать Омактава – новую (В-о. падеж от слова <i>омакта</i>)	лёгк сред труд
4.2	xXxx	Алатчаран – ждёт	лёгк сред труд
4.3	xxXx	Дэгиктэмни – лёгчик Бакакаллу – найдите	лёгк сред труд
4.4	xxxX	Тыгдээрэн – идёт дождь Утумуктэ – жимолость	лёгк сред труд
5.1	Xxxxx	Огладярилва – желающих сделать что-либо (В-о. падеж) Мелиддянятын – начнут просыпаться	лёгк сред труд
5.2	xXxxx	Гэлэктэдеми – искать	лёгк сред труд
5.3	xxXxx	Аламадяран – повторяет Моланадяран – идёт за дровами	лёгк сред труд
5.4	xxxXx	Эмэктэдэвэр – приходите Таткиттулавар – в свою школу	лёгк сред труд
5.5	xxxxX	Хуларгадяран – краснеет	лёгк сред труд
6.1	Xxxxxx	Химиктэгэчинди – наподобие брусники (творит. падеж)	лёгк сред труд
6.2	xXxxxx	Гэлэктэденэрэн – пошёл искать	лёгк сред труд
6.3	xxXxxx	Дэрумкитчэрэкин – когда он отдыхал	лёгк сред труд
6.4	xxxXxx	Чипичаткандула – к маленькой птичке (-дула местный падеж)	лёгк сред труд
6.5	xxxxXx	Эвикэндубливи – о своей игрушке Итыгалдянятын – начнут готовиться	лёгк сред труд
6.6	xxxxxX	Дэгиктэдерикиэн чипкачан – летающая маленькая птичка Олонмукандеми – пугать	лёгк сред труд

Окончание Таблицы 1

7.1	Xxxxxxxx	Салдыматчарилдула – к знакомящимся	лёгк	сред	труд
7.2	xXxxxxxx	Гэлэгтэнэсиндерэ – идут на поиски	лёгк	сред	труд
7.3	xxXxxxxx	Инемуһинчэдэнэ – улыбаясь Ѓорчаматчадырилва – борющихся	лёгк	сред	труд
7.4	xxxXxxxx	Унякачантыкиви – к своему мизинцу (унякачан – мизинец, -тыки – напр. падеж, ви – притяжат. суффикс ед. ч.)	лёгк	сред	труд
7.5	xxxxXxxx	Бакалдыдьяриватын ичэм – увидел, как они встречаются	лёгк	сред	труд
7.6	xxxxxXx	Дамгатыктадырилду – беспрестанно, неоднократно курящим	лёгк	сред	труд
7.7	xxxxxxxX	Гиркуктадыһинчамнин – на ходу	лёгк	сред	труд
8.1	Xxxxxxxxxx	Долдымуксадырилтыки – к желающим услышать (долды-му-кса-дя-ри-л-тыки)	лёгк	сред	труд
8.2	xXxxxxxxxx	Сирунчэмэтчэрилдулэ – к катающимся	лёгк	сред	труд
8.3	xxXxxxxxx	Сулакигачиндулави – к своей, похожей на лисицу	лёгк	сред	труд
8.4	xxxXxxxxx	Улгучэмэтчэрилтыки дагамаран – подошёл к разговаривающим	лёгк	сред	труд
8.5	xxxxXxxxx	Качунадырилгачинди – похожим на шуршание (сравнение)	лёгк	сред	труд
8.6	xxxxxXxxx	Ѓэнэктэктэдэрилтыки – к тем, кто не раз приезжает куда-либо	лёгк	сред	труд
8.7	xxxxxxxXx	Инемуһинчэдэриwэ – улыбающегося	лёгк	сред	труд
8.8	xxxxxxxX	Дэрумкиксэдерилтыки – к приготовившимся отдыхать	лёгк	сред	труд